

О СОЦИАЛЬНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТАХ СОЦИАЛИСТОВ-УТОПИСТОВ

С. С. Каплин

О коммунизме, обязательности труда для всех и полном социальном равенстве, об уничтожении всякой эксплуатации «давно уже, много веков, даже много тысячелетий мечтает человечество»¹. Эти мечты и идеалы возникали в сознании угнетенных и поработанных тогда, когда появились социальное неравенство, классовый гнет и эксплуатация человека человеком. Домарксовский коммунизм, отмечал Е. И. Ленин, «был формой выражения оппозиционных настроений у всех и больше всего у буржуазии»² и в своем развитии прошел много стадий и форм. И если свою научную обоснованность идея коммунизма получила лишь на определенном этапе исторического развития, то поиски путей ее осуществления очень стары, и, говоря об этих мечтах и поисках, надо обращаться и к древней истории. На протяжении веков социалистический идеал оставался самой заветной мечтой трудящихся и передовых людей своего времени. Он принимал различные формы, менялся сообразно изменениям социальных условий, литературных течений и философских систем. Однако сами эти мечты и идеи были неисчислимы.

Социалисты-утописты не только мечтали об идеальном общественном строе, не только выдвигали проекты переустройства капиталистического общества, но и делали практические шаги на этом пути, стремясь «показать превосходство такого строя, при котором каждый получал бы то, что сам выработал, показать соответствие этого идеального строя с «человеческой природой», с понятием разумно-нравственной жизни и т. д.»³. В условиях капитализма, отмечал В. И. Ленин, «были неоднократно примеры устройства трудовых коммун со стороны людей, которые надеялись мирно и безболезненно убедить человечество в преимуществе социализма и обеспечить его введение»⁴. Особенно широкое распространение получили эксперименты по системам Оуэна, Фурье и Кабе. В них принимали участие как сами авторы этих систем (Оуэн, Кабе), так и их сторонники и последователи. Разумеется, все эти многочисленные эксперименты не достигли и не могли достичь цели в силу утопичности их идейной основы. Однако они оставили глубокий след в сознании трудящихся капиталистических стран, которые до сих пор проводят еще подобного рода эксперименты⁵.

Социальные опыты социалисты-утописты проводили во Франции (Лион, Гевиллер, Виенна, Гренобль), Англии (Нью-Ланарк, Глазго, Бирмингем, Ливерпуль), Африке (Алжир), Ирландии, Канаде, Бразилии и особенно в США. Например, Р. Оуэн проводил свои социальные опыты в США в масштабах не меньших, чем у себя на родине, в Англии. Эксперименты с фаланстерами по системе Ш. Фурье нашли в США значительно большее распространение, чем в самой Франции. Что же касается «Икарского движения», осуществлявшегося по системе другого французского социалиста-утописта, Этьена Кабе, автора книги «Путешествие в Икарию», то, хотя это движение и зародилось во Франции, практическое применение оно нашло исключительно в Америке. Существовало много причин, благодаря которым тогдашняя территория США являлась главным «опытным полем» экспериментов с трудовыми коммунами. Экспериментаторы считали, что их коммунистические ячейки в скором будущем разовьются в целые общества с новой, более высокой цивилизацией. Для этого они нуждались в земле, расположенной вдали от развращающего влияния капиталистической цивилизации. В США как раз было много «свободной» дешевой земли. Кроме того, перед промышленностью и земледелием этой страны, казалось, открывались радужные перспективы. Это была страна, в которой утвердились буржуазно-демократические порядки. Все это имело неотразимую притягательность для социалистов-утопистов. Конечно, с течением времени пионеры социальных опытов, как и большинство эмигрантов, разочаровывались в выборе места для поисков счастья. Но это уже другой вопрос. Факт

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 45.

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 266.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 157.

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 148.

⁵ См. S. M. Lipset. *Agrarian Socialism*. Berkeley and Los-Angeles. 1950, pp. 13, 62, 80, 121, 124.

тот, что в XIX в. территория США признавалась многими наилучшим местом для социальных экспериментов. Сюда и направляли свои стопы пионеры нового порядка, борники социалистических идей и опытов.

На землях США организовывали трудовые коммуны англичане—сторонники Анны Ли, Роберта Оуэна, Джона Рескина и другие; немцы—последователи Георга Раппа, аманиты, гуттеровцы и многие другие; французы—единомышленники Шарля Фурье, Этьена Кабе, Луи Блана; и, конечно, сами американцы (перфекционисты, ученики и сторонники Брисбена, Нойса, Грилея и др.). Среди организаторов трудовых коммун встречались и выходцы из России, например, Блаватская, организовавшая в 1900 г. в Пойнт-Лома (Калифорния) коммунистическое поселение; Анна Маркус, принимавшая активное участие в делах «Рескинской коммуны» и ставшая затем женой ее вице-президента Коуэлла, и другие. Движение за создание различного рода коммунистических общин в США продолжалось в течение всего XIX столетия и получило распространение во всех штатах. Точное число коммун установить нельзя. Американский историк социальных систем и активный участник социальных экспериментов Дж. Х. Нойс называет 58 отдельных общин только одних шекеров. Эта цифра шекеровских коммун приводится и Ш. Нордгоффом. В. А. Хиндс, изучивший общины оуэнистов и фурьеристов, насчитал около сотни хозяйств, созданных только последователями Оуэна и Фурье. Альберт Шоу, исследовавший преимущественно икарийские коммуны, утверждает, что в его руках имелись достоверные документы о 50 коммунистических общинах, образованных только после 1870 г., в их числе не менее 20 икарйских⁶. Всего же таких общин было создано в США в XIX в. «несколько сотен, а число участников в этих экспериментах в разное время достигало сотен тысяч»⁷.

История всех экспериментов с этими общинами большая и имеет много специфического. Общим в них является, пожалуй, то, что все это движение было скорее гуманитарным, чем политическим. В. И. Ленин называл эксперименты оуэнистов, фурьеристов и других «неполитическим социализмом»⁸. Они не анализировали новую систему производства, не стремились понять ее историческое значение и тенденцию развития. Отрицательные стороны капиталистической системы представлялись произвольным отклонением от «вечных принципов естественного права», а в целом эта система—грубым и злым планом господствующих сил общества. Оценивая дело так, они были глубоко убеждены, «что социализм удастся ввести путем убеждения. Убедится большинство народа, и, когда оно убедится, меньшинство послушается, большинство проголосует, и социализм будет введен»⁹. В данном случае мы хотим остановиться более или менее подробно на истории только трех таких трудовых коммун—«Новая гармония», «Северо-американский фаланстер» (или фаланга) и «Икаррия»,—которые при своем возникновении были прямо связаны с определенными школами утопического социализма, и на этой основе сделать некоторые обобщения.

«Новая гармония». Свой первый социальный эксперимент на американской земле Р. Оуэн осуществил в хозяйстве «Гармония», купленном в 1825 г. у последователей Георга Раппа и переименованном в «Новую гармонию»¹⁰. Хозяйство это находилось в штате Индиана, на реке Уабаш. Оно располагало 30 тыс. акров земли, в том числе 3 тыс. акров возделанной, занятой под посевами. В хозяйстве имелось также 19 ферм, несколько фруктовых садов и виноградников, промышленных мастерских и фабрик, поселок жилых домов (некоторые из них были каменными), необходимый инвентарь. Все это было куплено за 150 тыс. долларов¹¹.

Принципы, на основе которых действовала «Новая гармония», были сформулированы в Правилах, названных потом конституцией. Вот главные из них: община учреждается на началах «самой неограниченной свободы»; в нее принимаются добровольцы, «независимо от имущественного состояния»; ее цель «состоит не в том, чтобы богатых сделать бедными, а чтобы обеспечить всем наибольшую сумму истинного богатства». В общине была установлена «общность богатства как имеющегося в наличии, так и произведенного и приобретенного в дальнейшем»¹². Труд в «Новой гармонии» являлся исключительно добровольным. Вместе с тем принимались меры, чтобы сделать его привлекательным. В Правилах по этому вопросу было записано: «Будут употреблены механические средства для исполнения необходимых отвратительных работ, а также нездоровых или слишком тяжелых». Далее в Правилах говорилось, что община управляется сама непосредственно или посредством выборных уполномоченных. «Разногласия решаются в недрах общины путем дружеского соглашения, без употребления мер строгости, кроме удаления из общины... Права и обязанности взрослых,

⁶ J. H. Noyes. History of American Socialism. Philadelphia. L. 1870; Ch. Nordhoff. The Communistic Societies of the United States. N. Y. 1961; W. A. Hinds. American Communities. Chicago. 1906; A. Shaw. Icaria, a Chapter in the History of Communism. Philadelphia. 1884.

⁷ M. Hillkwit. History of Socialism in the United States. N. Y. 1903, p. 22.

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 169.

⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 442.

¹⁰ А. Кирхенгейм. Вечная утопия. СПб. 1902, стр. 239.

¹¹ M. Hillkwit. Op. cit., p. 52.

¹² Э. Доллеан, Роберт Оуэн. Его жизнь и учение. СПб. 1908, стр. 126—130.

а также мужчин и женщин равны... Воспитание детей будет общим с того времени, как для них не будут нужны непосредственные заботы матери». 1 мая 1825 г. на общем собрании членов общины была принята конституция «Новой гармонии», согласно которой община в своем развитии должна была пройти две стадии: а) подготовительную; б) стадию «совершенного равенства». Продолжительность первой стадии определялась периодом в три года. На этой стадии, когда еще нет полного равенства, члены общины находятся на «испытании», под наблюдением Временного комитета, назначенного Оуэном. Каждому был открыт текущий счет, в кредит заносились услуги, оказанные общине и оцененные Временным комитетом, а в дебет — стоимость полученных предметов потребления¹³. Едыдержавшие испытательный срок становились подоправными коммунарами, а сама община переходила в стадию «совершенного равенства», где действовал принцип «все по потребностям».

Сведения о «Новой гармонии» распространились на всю страну и даже за ее пределы. К Оуэну приходили люди разных национальностей, имущественного положения, вероисповедания, желавшие стать членами общины. Только в течение первых шести недель в «Новую гармонию» пришли 800 человек, а вскоре после этого еще более ста¹⁴. Все члены общины получали жилье, питание и одежду. В общину допускались эмигранты, разорившиеся фермеры, ремесленники, безработные, а также представители имущих классов, интеллигенции, иногда — крупные ученые. Например, членами «Новой гармонии» являлись: В. Мюклер — крупный ученый-геолог, главный организатор Филадельфийской Академии естественных наук; Томас Сэй — видный зоолог; Ч. А. Леснер — знаменитый ихтиолог и талантливый художник; профессор Ниф — соратник Песталоцци по швейцарской школе. Большинство членов «Новой гармонии» руководствовалося благородными намерениями. Но некоторые члены общины не понимали идеалов Оуэна, не сочувствовали им. Они смотрели на эксперименты великого социалиста-утописта как на причуду богача. В общине нередко встречались и такие, которые, по меткому замечанию английского публициста Дж. Холлока, «не находя себе места в мире, каков он есть, заключают отсюда, что они совершенно пригодны для мира, каким он должен быть». Несмотря на это, «Новая гармония» имела большие успехи. Полеводство, животноводство и даже промышленные мастерские приносили почти повсюду большой доход. Это дало основание Оуэну заявить, что в ближайшем будущем, когда благотворные стороны коммунизма станут ясны всем, у «Новой гармонии» появятся много сестер. И действительно в ряде штатов возникли тогда общины, копировавшие «Новую гармонию» («Желтые ключи», «Нашоба», «Гаверстрау» и другие). Первые успехи вскружили головы многим. Они проявили нетерпение, трехлетний период «испытаний» показался членам общины слишком долгим. Они полагали, что достигли уже всего. И, воспользовавшись отсутствием Оуэна, который находился в Англии, они в январе 1826 г. добились принятия на общем собрании решения о досрочном переводе общины во вторую стадию, на положение «совершенного равенства». Это сразу же отрицательно отразилось на дисциплине, производстве, управлении, семейно-бытовых отношениях. Дела пошли хуже. Уже в апреле 1826 г. большинство признало, что переход к общине «совершенного равенства» был преждевременным. Начались бесконечные перестройки и реорганизации. За один год шесть раз менялась конституция общины. Члены «Новой гармонии» то разделялись на «условных», «испытанных» и «находящихся на испытании», то объявлялись членами общины «совершенного равенства». Общину пришлось разделить на четыре самостоятельных хозяйства, имеющих свою администрацию. Затем две из них выделены из «Новой гармонии» и стали самостоятельными. Частые реорганизации подорвали «Новую гармонию» и ускорили ее распад. После двухлетнего существования на ее месте были созданы мелкие самостоятельные общины, оказавшиеся не в состоянии долгое время противостоять капиталистической конкуренции. Вскоре они были вовлечены в сферу капиталистической деятельности. На их месте появились обычные акционерные организации и частные мастерские. Обман, торгашество, конкуренция стали господствовать там, где Оуэн мечтал положить начало справедливому обществу на земле.

«Северо-американский фаланстер» был создан в 1843 г. группой образованных американцев — сторонников учения Ш. Фурье — в графстве Монмоус, в Нью-Джерси, и, может быть, более других подобных общин приблизился к идеальному образцу фаланги, который так детально разработан в системе Фурье. Целью его образования являлось, как сказано в декларации об его учреждении, «исследовать теорию социальных реформ Фурье в том виде, как ее развил Альберт Брисбен»¹⁵. На первоначальный капитал фаланстера — 8 тыс. долл., собранных в качестве паевых взносов и пожертвований от богатых филантропов, — была куплена земля и то, что признавалось самым необходимым. Обобщественный труд сразу дал свои результаты. Поля и фермы фаланстера содержались в гораздо лучшем состоянии и давали больше прибыли, чем у

¹³ Там же, стр. 130.

¹⁴ M. Hillk w i t. Op. cit., p. 53.

¹⁵ Альберт Брисбен (1809—1890) — один из самых известных фурьеристов США. Получил солидное образование в Америке. В Европе слушал лекции Гегеля и был сторонником учения Сен-Симона. После знакомства с учением Фурье надолго стал фурьеристом.

соседей. В 1844 г. (при подведении годового баланса) собственность фаланстера уже составляла 28 тыс. долл., а в 1848 г.—80 тыс. долларов¹⁶. В первые же годы были возведены хорошие жилища, в том числе большое трехэтажное здание — гордость членов общины, построена мельница, посажен фруктовый сад. «Северо-американский фаланстер» строился и действовал как аграрно-промышленная единица, призванная давать все необходимое для нужд общественного хозяйства и членов общины. Основным занятием было земледелие. Работа в сельском хозяйстве являлась обязательной для всех членов общины.

Эксперименты в фаланстере существенным образом отличались от экспериментов в «Новой гармонии». Фурье и фурьеристы хотели построить коммунистическое хозяйство не на основе общественной собственности, а на основе сочетания собственности частной и общественной. Такой дуализм обусловливал и своеобразное распределение материальных благ: по труду, таланту и на капитал (соответственно $\frac{5}{12}$, $\frac{3}{12}$ и $\frac{4}{12}$). При этом за труд необходимый, но отталкивающий и изнуряющий была принята высшая оплата (10 центов в час); за полезный, но менее отталкивающий труд оплата была ниже (8 центов); наименьшая плата приходилась на долю тех, кто выбрал себе приятные работы ($6\frac{1}{4}$ центов). Членам фаланстера предоставлялась полная возможность выбора работы, каждый мог работать столько времени, сколько он желал. Количество и род выполненной работы записывались на счет каждого. Ежемесячно производился полный расчет. Прибыль распределялась в конце года. Доходы были невелики, но они все же были. Дефицита баланса фаланстер не знал.

Жизнь в фаланстере была, как можно судить по отзывам многочисленных очевидцев, обеспеченной и приятной. Фаланстер имел библиотеку и читальный зал, располагал несколькими музыкальными инструментами. Окончив работу в поле и мастерских, члены общины отдыхали, занимаясь чтением, танцами, пением. Известный в США фурьерист Риплей, посетивший «Северо-американский фаланстер», дал о нем восторженный отзыв. Говоря о членах фаланстера, он писал: «От них веет какой-то ясной, серьезной любовью, которая указывает на твердое решение их дождаться исхода великого эксперимента, затеянного ими. Женщины их имеют счастливые приветливые лица, полные здоровья и бодрости»¹⁷. Показу жизни в «Северо-американском фаланстере», особенно семейных отношений, посвящена книга Диксона «Духовные жены» (СПБ. 1894), в которой также много дифирамбов жизни в фаланстере. Члены фаланстера жили в квартирах и комнатах, принадлежавших общине, питались в столовой, одежду получали в общественных складах — все за плату, по дешевой цене. Семейно-бытовые отношения были строгими, но свободными; препятствий страстям и влечениям никаких не чинилось. Регулировались эти отношения исключительно моральными нормами. Вопрос о религии оставался открытым. Члены фаланстера не заявляли о своем атеизме, но и не отравляли организованно никаких религиозных обрядов. «Богочитание, — говорили они, — мы выражаем всей жизнью ассоциации».

«Северо-американский фаланстер» просуществовал 12 лет. Как хозяйственная единица он мог существовать и дальше, а в отдельные годы даже процветать. Ну, а как с ростками коммунизма? Уже по самим организационным принципам эту общину нельзя назвать социалистической. Она с самого начала создавалась как акционерная организация. Собственность фаланги, отмечал К. Маркс, это «акционерный фонд»¹⁸. В ассоциации не уничтожалась частная собственность, сохранялось классовое неравенство. Членами фаланстера были владельцы акций и одновременно совладельцы общественной собственности и владельцы частной. «Гармонию» между ними Фурье выдавал за признак силы, на деле же это оказалось источником слабости. Принцип распределения по труду, таланту и капиталу — тоже эклектический. Он не уравнивал людей, а усиливал классовое расслоение, не ликвидировал конкуренцию, а усугублял ее. В фаланстере конкуренция, по словам К. Маркса, существовала «на улучшенных началах»¹⁹. Все это вело к возникновению и обострению противоречий внутри фаланстера. Кроме того, вспыхнули распри на почве семейно-бытовых и религиозных отношений. Энтузиазм тружеников, на которых держалось производство, стал остывать. Естественно, это не могло не отразиться на деятельности фаланстера. Доходы членов общины стали уменьшаться, а сама община погрязла в долгах. К тому же стихийные бедствия: сгорела мельница, на которую было затрачено 12 тыс. долларов. В ходе обсуждения вопроса о получении займа на постройку новой мельницы кто-то предложил: займа не брать, а фаланстер распустить. Это предложение, не имевшее никакого отношения к обсуждаемому вопросу, было принято. В решении собрания сказано: «Распустить образцовую ассоциацию, созданную по принципу фаланстера Фурье». Это произошло на двенадцатом году существования фаланстера, в 1854 году. Так перестал существовать «Северо-американский фаланстер».

Икарйская община «Науву» получила наименование по названию города Науву. Эксперименты икарйцев являются одной из славных страниц в истории утопического

¹⁶ В. S e m l e r. Geschichte des Socialismus und Communismus in Nordamerika. Leipzig. 1880, S. 265.

¹⁷ См. М. Hillk w i t. Op. cit., p. 85.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 529.

¹⁹ Там же.

социализма. Они продолжались почти полвека и полны пафоса, терпеливых исканий, преодоления больших трудностей и самопожертвования. Участниками этих экспериментов были почти исключительно французы, большей частью рабочие во главе с Этьеном Кабе, стоявшим по своим социально-политическим взглядам ближе к Морелли и Мабли, чем к Сен-Симону и Фурье. Этьен Кабе — сын бондаря, родился в Дижоне (Франция), получил хорошее образование, работал в качестве юриста и пользовался большим успехом. В 1840 г. он опубликовал свое произведение «Путешествие в Икарию», знаменовавшее поворотный пункт в его жизни и деятельности. Написанная на манер «Утопии» Т. Мора, книга Кабе имела колоссальный успех. Одно издание вышло за другим. Во Франции было трудно найти рабочего, который бы не знал этого произведения. В 1847 г. Кабе имел среди французских рабочих не менее 400 тыс. приверженцев²⁰. Ф. Энгельс, находясь в 1846 г. в Париже, «с жадностью изучает социализм, знакомится лично с Кабе... и другими выдающимися социалистами»²¹.

Литературные успехи еще больше вдохновили Кабе на пропаганду идей коммунизма. Он стал издавать специальный журнал «Le Populaire» и «Икарыйский альманах», в которых вел агитацию за практическое осуществление икарыйского мирного коммунизма. В мае 1847 г. Кабе выпустил прокламацию под заголовком «Пойдем в «Икарию». Суть ее выражена словами: «Нас здесь (во Франции) притесняют, уйдем в «Икарию!» Франция тогда находилась накануне революции, и семена, брошенные Кабе, попали на благоприятную почву. Тысячи французских рабочих выразили желание идти в «Икарию» и строить коммунизм. Необходимо было найти место для этого. В октябре 1847 г. Кабе ездил в Лондон за советом к Р. Оуэну. Последний рекомендовал под «опытное поле» Техас, который был недавно присоединен к США и где была острая нехватка в колонистах для заселения этой обширной территории. Вскоре была приобретена земля, и началось переселение. Первый эшелон в составе 69 человек отплыл из Гавра 3 февраля 1848 г. и прибыл в Новый Орлеан 27 марта. За первым последовали второй, третий и четвертый эшелоны. 13 декабря 1848 г. отправился в США и сам Этьен Кабе. Всего в США было переселено 485 французов²². По приезде в США икарыйцы встретились с огромными трудностями: земля в Техасе оказалась не сплошным массивом, а лоскутками. Чтобы добраться до нее, надо было преодолеть 250 миль сплошного бездорожья. Кроме того, земли оказалось не 1 млн., а всего только 10 тыс. акров²³. К этому добавилась эпидемия малярии, которой переболели буквально все, затем эпидемия холеры, от которой умерло 20 человек только при переезде из Техаса в штат Иллинойс. Несмотря на все это, икарыйцы взялись за дело с большим энтузиазмом.

Одной из общин, созданной икарыйцами, как уже было сказано, была община «Науву» (штат Иллинойс), основанная в марте 1849 года. Она просуществовала около 7 лет. В ее деятельности, пожалуй, наиболее отчетливо проявились социальные принципы Кабе, их слабые и сильные стороны. В чем же суть принципов системы Кабе? Собственность общины составлялась из дарственных взносов тех, кто хотел участвовать в экспериментах, и богатых филантропов, которые объявили, что будут помогать икарыйскому движению. В отношении участников движения действовало правило: приносить все свое имущество на алтарь братской любви. Земля, дома, мастерские, скот, школа и т. п. — все это объявлялось собственностью общины и разделу не подлежало. Общими являлись даже личные вещи. Труд был правом и обязанностью каждого трудоспособного. От работы никто не мог уклониться ни под каким предлогом, кроме болезни или поручений общины. Работа производилась в поле, мастерских, на фермах. В жилых помещениях работа запрещалась. Мужчины и женщины работали в разных группах (женщинам предоставлялась более легкая работа). Для всех был установлен 10-часовой рабочий день с тремя перерывами. Особое внимание уделялось сельскохозяйственному труду, которым занимались поочередно, а в страду — все члены общины. От вызова на сельскохозяйственные работы никто отказать не мог. Это было оговорено в уставе общины.

Распределение материальных благ производилось «по потребностям, исходя из возможного» и с учетом другого принципа — «всем или никому». Это распространялось и на те вещи, которые принято называть личными. Любопытен такой факт. В общине никто не носил часов, потому что их не хватало каждому. Много карманных и ручных часов лежало на складе в ожидании, когда их будет столько, чтобы дать каждому. Питались в общей столовой три раза в день. Пища была достаточно калорийной и разнообразной. Дети до 12 лет столовались по специальному меню в школьной столовой²⁴. Каждой семейной паре или двум холостякам предоставлялась комната. Сам Кабе жил в такой же комнате. Ввиду его немолодого возраста кто-то предложил ему особое кресло. Он отказался, не желая нарушать принципа «полного равенства». Подобно другим, он принимал ту же пищу, что и все остальные. Икарыйцы создали самодеятельный театр с оркестром в 50 инструментов. По субботам устраивались вечера с постановками, танцами, пением. По воскресеньям — церемонии бракосочетания. Из

²⁰ M. Hillkwi t. Op. cit., p. 108.

²¹ В. И. Ленин и ПСС. Т. 24, стр. 267.

²² Г. Люк с. Этьен Кабе и икарыйский коммунизм. СПб. 1896, стр. 229.

²³ A. Shaw. Op. cit., p. 23.

²⁴ Г. Люк с. Указ. соч., стр. 242.

вестны факты исключения из «Икарии» за распущенность в быту. Добровольное безбрачие запрещалось конституцией. Управление общиной было демократическим, но твердым. Меньшинство подчинялось большинству. Распоряжение, исходящее от выборного лица, являлось обязательным, уклонение от выполнения этого распоряжения считалось грубым нарушением. В «Икарии» велась большая воспитательная работа. Устраивались диспуты по хозяйственным и нравственным проблемам, читались лекции. В библиотеке «Науву» насчитывалось 5 тыс. томов книг. Широко организовывалась наглядная агитация. Вот некоторые призывы, которые были вывешены в столовой: «Каждый по своим силам, каждому по его потребностям!», «Один за всех, все за одного!». «Чего не желаешь себе, не причиняй другим», «Основное право — жизнь. Основная обязанность — труд», «Надо трудиться и сеять, прежде чем наступит жатва». «Сперва необходимое, затем полезное, наконец, приятное», «Всем или никому!».

Икарийцы добились больших успехов. Их мастерские — портновская, сапожная, столярная, бочарная, кузнечная и др. — удовлетворяли все потребности общины, а заводы — лесопильный, винокуренный, а также типография производили много продукции на рынок. Они эксплуатировали небольшие угольные копи и имели в Сент-Луи большой торговый склад. Успехи в сельском хозяйстве особенно показательны, ибо в прошлом икарийцы не были крестьянами и долгое время осваивали новую для них отрасль хозяйства. Биограф Кабе Г. Люкс пишет: «Пролетарии в коммунистической общине перестали быть пролетариями... они лучше были защищены от... социальной непогоды, лучше питались, лучше одевались, чем при господстве свободной конкуренции»²⁵. А вот как сам Кабе оценивал успехи проводимых экспериментов. «Если бы,— писал он,— французское правительство позволило устроить лекции или устные беседы в Париже и департаментах, то нет никакого сомнения, что в настоящее время все население Франции целиком перешло бы к коммунизму, а если бы... позволили произвести коммунистический эксперимент во Франции... проблема нищеты и пауперизма была бы разрешена»²⁶. Успехи «Науву» были действительно большими и создали добрую славу «Икарии» не только в США, но и во Франции, Германии, Англии и других странах.

Но несмотря на это, осенью 1856 г. община «Науву» распалась и под этим названием больше не существовала. Поводом для этого явились разногласия по вопросам руководства. Во главе общины стоял президент, избиравшийся на 4 года (этот пост бесменно занимал Кабе), при котором существовал комитет из 6 человек, избравшийся общим собранием на 2 года. К тому времени в комитет оказались избранными противники Кабе, не разделявшие его взглядов по ряду вопросов. Они начали противопоставлять себя Кабе и внесли предложение, чтобы комитет, как и президент, избирался на 4 года. Кабе был против этого. Возникли острые и затяжные споры. При голосовании Кабе оказался в меньшинстве. Это меньшинство в составе 180 чел. 15 октября покинуло «Науву», переселившись в Сент-Луи²⁷. Община распалась.

Опыт социалистов-утопистов, отмечал Ф. Энгельс, «дорого купленный опыт»²⁸. Их эксперименты с «гармониями», «фаланстерами», «икариями» и т. д. продолжались в течение долгого времени и носили массовый характер. Многие из хозяйств подобного рода просуществовали годы и десятилетия. Они накопили известный практический опыт, изучение которого представляет несомненный интерес. В деятельности общин социалистов-утопистов было много однообразного, повторяющегося. Мы рассмотрели коммунистические общины, которые больше всего различаются между собой и в то же время являются наиболее типичными. Взять хотя бы частную собственность — материальную основу эксплуатации и вражды между людьми. Социалисты-утописты обрушили на нее свои наиболее сильные удары. С точки зрения логики и морали они доказали, что частная собственность должна быть ликвидирована, а на ее месте создана общественная собственность. Это прежде всего они и пытались осуществить, проводя свои эксперименты. Однако шли они к этому разными дорогами. В общинах Оуэна общественная собственность создавалась по этапам. На подготовительном этапе — неполное кооперирование. Затем, когда люди выдержат «испытания», а также когда будут накоплены необходимые средства — переход к коммунистической собственности. В целом эта схема была рациональной. Однако ее попытались осуществить за очень короткое время, хотели сразу создать коммунистическое хозяйство. Это была не только несбыточная, но и вредная попытка. Фурьеристы полагали, что можно прийти к коммунистическому хозяйству на основе сочетания частной и кооперативной собственности, путем объединения и слияния капитализма и социализма. Они шли неверной дорогой, допуская много ошибок, «ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать»²⁹. Икарийцы создавали собственность общин путем кооперирования всего имущества, вплоть до личных вещей. Они хотели разорвать ступени коммунистическую собственность, перепрыгнуть через промежуточные ступени, устано-

²⁵ Там же, стр. 245.

²⁶ Э. Кабе. Очерки истории Икарии. 1855, стр. 19.

²⁷ M. Hillk w i t. Op. cit., p. 109.

²⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 26.

²⁹ Там же.

вить коммунизм сразу и немедленно. Это льстило самолюбию икарійцев, но оставалось несбыточной мечтой.

В «гармониях», «фаланстерах», «икариях» и других общинах труд провозглашался как первейшее и неотъемлемое право каждого трудоспособного. Но этого недостаточно. Необходимо было рассматривать труд и как обязанность, осуществлять контроль за мерой труда. Нигде, кроме «Икаррии», это не делалось, да и здесь проводилось недостаточно строго, что наносило большой вред производству. Стихийное влечение людей к труду, о чем много говорится в учении Фурье, не подкрепленное организацией и дисциплиной, оставалось часто благим пожеланием. Не всегда способствовали производству и принципы распределения, которые хотя и назывались коммунистическими, но были самыми разнообразными и далекими от коммунистических. В «икариях» в системе распределения имелась тенденция уравнительности, вплоть до нивелировки вкусов. В «фаланстерах» наряду с распределением по труду и таланту треть дохода распределялась на капитал. Все это давало возможность владельцам капитала, многопайщикам, богатым и лодырям не участвовать в труде общины и тем самым наносить ей большой вред. Ближе других к истине в распределении подошли оуэнисты на первом этапе строительства «Новой гармонии» (распределение по количеству и роду труда), но, как известно, руководствовались этим принципом они недолго.

В вопросе о школе и воспитании социалисты-утописты были, пожалуй, наиболее едины. Они полагали, что надо не только создавать коммунистическую систему, но и наполнить ее новым человеческим «материалом». А для этого нужно оградить ребенка от небрежного и неумелого домашнего воспитания, окружить его заботой общества, передать обучение и воспитание из частных рук в руки общественных организаций. Практически это в большинстве общин делалось так. До 2—3-х лет ребенок — с матерью, затем — в яслях и саду, потом — в школе, организованной по типу интерната. С 12 лет подростки обучались ремеслу и работали. Недостатком во всем этом было то, что общественное воспитание противопоставлялось домашнему. В общинах велась большая воспитательная работа со взрослыми. Устраивались диспуты, выпускались газеты, организовывалась агитация, кое-где создавались «институты взаимной критики», чем-то напоминающие товарищеские суды. Немалая роль отводилась искусству. Более того, не обошлось и без преувеличения роли искусства. Так, в «рескинской коммуне» считали, что искусство живет самостоятельной жизнью, вне политики, поэтому оно способно при любых условиях облагораживать душу каждого.

В вопросах о браке и семье в общинах был едва ли не самый большой разнобой — от «обета безбрачия» (сектантские общины Анны Ли), до проповеди «свободной любви» (в «рескинской коммуне») и конституционного запрета «добровольного безбрачия» (в «икариях»). Не будем останавливаться на крайних точках зрения, их вред очевиден. Возьмем основные идеи и дела носителей социальных экспериментов. Их философия по вопросу о семье и браке была чрезвычайно упрощенной. Семью они рассматривали только как хозяйственную ячейку и подсобный цех для воспитания детей. С построением коммунистического хозяйства, рассуждали они, рвутся связи семьи, она перестает быть рабочей мастерской и воспитательным классом. Частная собственность и ребенок были связующим средством между мужем и женой. Но коль скоро нет частной собственности, а ребенок изымается из-под опеки родителей, то рвутся брачные и семейные связи. Вместо основы семьи — мужа и жены — остаются мужчина и женщина. Эта философия и практика явилась одной из причин ослабления многих общин и ускорения их распада.

Управление общинами, по взглядам их учредителей, являлось не политическим, а чисто хозяйственным актом. Выборные и назначенные руководители не признавались (кроме как в «икариях») начальниками; они могли распоряжаться вещами, а не людьми. Труд являлся исключительно добровольным. Осуществление его проводилось на основе фурьеристского тезиса «естественного влечения», а распределение сил по «группам» и «сериям» осуществлялось самотеком. Конечно, неполадок в этом деле было множество. Экспериментаторы часто от одной крайности бросались в другую. «Новогармонийцы», например, в апреле 1826 г. вынесли решение передать всю полноту управления Оуэну вплоть до того времени, когда будет налажено производство. Такие же случаи были и в «икариях». Короче, практика управления общинами социалистов-утопистов дала такое разнообразие форм руководства, которого до этого, кажется, не знало ни одно кооперативное движение.

Строители трудовых коммун не только выдвинули много интересных систем переустройства капиталистического общества, но и сделали попытки осуществить эти системы на деле, в жизни. Они показали преимущества кооперативного трудового хозяйства перед хозяйством капиталистическим и мелкотоварным. В коммунах нашли убежище и спасение тысячи безработных и бездомных людей, бродивших до этого по дорогам в поисках приложения своего труда. Как известно, социалисты-утописты выдвинули положение о том, что новый социальный строй может возникнуть и опираться лишь на общественную собственность. Это было руководящим для них при создании коммун. Различными методами они создавали собственность общин, укрепляя этим ее материальную основу. Настойчивость, с которой они стремились создать кооперативную собственность, лишний раз подтверждает мысль о том, как ненавистна

была трудящимся капиталистическая собственность — эта основа эксплуатации, — как желали они сделать имущество общим. Создатели трудовых коммун сделали попытку на деле осуществить свободу труда. И при всех недостатках в этом деле их эксперименты доказали, что труд на себя, на свой кооператив — это труд привлекательный и радостный. Известный опыт был приобретен в результате экспериментов по вопросу о распределении материальных благ. В общинах распределяли по труду, по таланту, по паям, по потребностям и на основе других принципов. Переход от одного принципа к другому в различных условиях — все это позволяет сегодня судить как о положительных, так и негативных сторонах деятельности в этой области. Строители трудовых коммун явились пионерами в деле руководства крупным некапиталистическим хозяйством, организации производства в нем, введения в его деятельность элементов плановости, разделения труда и специализации. Правда, проводилось все это по очень сложным, часто безжизненным и надуманным схемам. Но судить строителей коммун очень строго нельзя: ведь они были пионерами в этом деле и проводили свои опыты впервые. Многих из тех ошибок, которые были допущены утопистами, «тогда в большинстве случаев нельзя было избежать»³⁰.

Исход всех этих экспериментов известен. Он и не мог быть иным, поскольку все эксперименты осуществлялись на утопической основе. В них поражает прежде всего вера, упорство, многократное повторение опытов их участниками. В «Третьем отрывке 1810 года» Сен-Симон писал о себе: «Жизнь моя представляет ряд поражений, а все же ее нельзя назвать неудавшейся, ибо ни одно поражение не отбрасывало меня обратно к тому пункту, из которого я исходил»³¹. Эти слова можно было бы взять эпиграфом ко всем экспериментам Оуэна, Фурье, Кабе и их последователей. Эксперименты социалистов-утопистов — это традиции борьбы за народное счастье.

³⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 26.

³¹ Сен-Симон. Избранные сочинения. Т. 1. М.-Л. 1948, стр. 98.